

Ань Хоанг

ВЗРЫВ

Ань Хоанг. Взрыв: Повесть / Перевод с вьетнамского С. Афонина; Предисловие И. Зимониной. — М.: Детская литература, 1981. — 48 с.

ДЕТИ ВЬЕТНАМА

Наверное, ни один аэродром в мире не видел столько кукол сразу. Их было и в самом деле очень много, и все, как одна, с голубыми глазами. Большие, чуть ли не в рост ребенка, куклы эти заполнили весь аэродром «Шереметьево». Казалось, вот-вот должно начаться великое кукольное переселение, и куклы ждут лишь сигнала. И тут появились их хозяйки — маленькие девочки с черными прямыми длинными волосами и миндалевидными темно-карими глазами.

— Южновьетнамские дети, — сказали мне, — отдыхали в Артеке, теперь возвращаются домой.

Домой, на юг Вьетнама... Мне сразу же вспомнилась самая интересная для меня, навсегда вошедшая в память встреча в тех краях, на втором градусе от экватора, встреча с ребятами, чьи родители — коммунисты, партизаны, подпольщики — погибли, сражаясь за освобождение Южного Вьетнама.

Встреча эта состоялась через два года после победной весны тысяча девятьсот семьдесят пятого года, принесшей вьетнамскому народу независимость и единство страны. Два года как отзвучали последние залпы, и во всем Вьетнаме, впервые за последние тридцать лет, воцарился мир. Но в день встречи, о которой я вам сейчас хочу рассказать, мне на миг показалось, что война отгремела только-только и эхо ее взрывов еще продолжает сотрясать все вокруг.

Мы оказались в Камау — это самая южная оконечность Вьетнама, партизанский край, опорная база революции. Сразу же после победы здесь начали строить новую жизнь, и одним из первых, самых неотложных дел этой жизни стала забота о будущем — о детях. А детей было очень много, и, как в любом партизанском крае, очень

много сирот. Сразу же решено было со всех окрестных мест собрать этих ребят — от семи до четырнадцати лет — в Камау и построить здесь для них школу-интернат. К тому времени, когда мы приехали туда, школе этой исполнилось полтора года.

Ребята в пионерских галстуках выстроились вдоль дороги двумя длинными шеренгами. Мы вышли из машины и остальной путь до въездной арки прошли пешком — никак нельзя было со спокойным сердцем проехать мимо этих восторженных ребячьих рожниц, мимо их машущих, тянущихся к нам рук. А во дворе школы, по ту сторону арки, и пройти-то было уже невозможно, столько собралось там ребят. Большущий двор был буквально битком набит. Советских людей здесь встречали впервые.

— Подавляющее большинство ребят, кроме самых маленьких, тех, кому сегодня семь-восемь, — рассказали нам преподаватели, — принимало самое непосредственное участие в освободительной войне, которую вел наш народ. Наши воспитанники — это бывшие партизанские связные, разведчики, даже бойцы. Они были неоценимыми помощниками взрослых и в той борьбе, которая развернулась в городах, находившихся под контролем американцев и проамериканского марионеточного режима. В недавние суровые годы эти ребята совершили немало славных дел. Неудивительно, что многие из них награждены боевыми орденами. Можно было бы долго о них рассказывать, но давайте лучше сейчас просто пойдём к ребятам, они ждут нас, и вы сами обо всем их расспросите...

Мы вышли на огромную крытую площадку — место пионерских линеек и сборов в те часы, когда особенно нещадно палит южное солнце. Ребята сидели прямо на земляном полу, тесно заполнив площадку, и во все глаза смотрели на нас.

За каждым из них стояла по-взрослому суровая и по-настоящему фронтовая жизнь. И все же они были еще дети, и родина, победив, первым делом поспешила вернуть им детство.

Хотелось узнать об этих ребятах как можно больше. Я посмотрела на мальчиков и девочек из первого ряда и вдруг поняла, что если спрашивать выборочно этих ребят или, к примеру, тех, кто сидит вон

там, в третьем, в четвертом ряду, то это будет несправедливо по отношению к остальным, тем, кто сидит дальше, ведь и они прошли недавнюю войну. Всего ребят в школе было семьсот человек, и, значит, о том, чтоб услышать всех во время этой короткой, двухчасовой встречи, нечего было и думать.

— Может быть, кто-нибудь из вас, ребята, сам расскажет о том, что делал во время войны? — предложили мы.

Но они засмутились и даже удивились — что же тут такого необыкновенного? Разве удивительно, что в войне они принимали участие почти наравне со взрослыми? Ведь война была общей, как общей стала и победа, давшая мирное небо и возможность спокойно учиться. Нет, сказали эти ребята, они хотят лучше послушать нас, наш рассказ о советских ребятах.

И тут одна девочка, лет девяти-десяти, сказала, что уж если мы очень хотим что-то услышать, то пусть это будет песня, которую написали про ее папу: вот папа, тот и вправду был настоящий герой, у него и Звезда Героя была, он сбил очень много американских вертолетов. И девочка запела о своем папе и его подвиге...

Эту девочку я и вспомнила в Москве на аэродроме «Шереметьево», глядя на ее сверстниц, увозивших с собой на далекую родину новых подружек — кукол-блондинок.

...Я слушала песню, смотрела на лица ребят, и мне захотелось не просто рассказать им про вас, ребята, — про вашу учебу, дела, про вашу жизнь, — но и сказать что-то особенно теплое, ласковое. И мне вдруг подумалось, что им, этим мальчишкам и девочкам, постеснявшимся говорить о себе, наверное, будет все же приятно услышать, что вы про них уже многое знаете, хотя они и живут в таком дальнем краю. Захотелось сказать им, что самое главное вам известно — вы знаете, какие они бесстрашные, смелые и выносливые. Про это вам рассказали книжки вьетнамских писателей, переведенные в нашей стране, такие же, как повесть «Взрыв», которую вам сейчас предстоит прочитать. Я так и сделала — рассказала про это ребятам из Камау и, глядя на их радостные улыбки, поняла, что поступила правильно.

Другая памятная для меня встреча была всего через неделю в городе Хошимине, бывшем Сайгоне.

— Купите слона, — обратилась ко мне девочка лет пятнадцати. Она стояла в дверях небольшого магазинчика, сквозь стеклянные стены-витрины которого видны были пестрые керамические вазы, до отказа заполнившие полки. — Заходите, пожалуйста, — пригласила девочка и провела меня к дальней стене.

Здесь было настоящее Слоновье царство. Слоны из фарфора и из фаянса, большие и маленькие теснились на полках. Бросился в глаза маленький белый фаянсовый слон, искусно разукрашенный золотой краской. Он стоял в профиль, и его грустный глаз в окружении черных ресниц пристально смотрел на меня. Показалось, что слон этот сам просится ко мне. Я решила, что куплю его.

— Увезу с собой в Москву, — сказала я маленькой продавщице.

При слове «Москва» девочка замерла на месте и внимательно посмотрела на меня.

— Вот вы откуда, оказывается. А я много про вашу Москву знаю и про советских ребят тоже. Мне мой брат рассказывал, он к вам ездил. Когда в нашем городе были американцы, он помогал подпольщикам. Знаете, он работал подавальщиком в одном кафе для американцев и всю информацию, которую ему удавалось услышать, передавал партизанам. Ему тогда было всего двенадцать лет, но он уже был членом подпольной организации наравне со взрослыми. Несколько раз ходил в джунгли, на партизанскую базу. Ему давали много самых разных поручений. Иногда и я ему помогала. Чаще всего он брал меня с собой, когда надо было ночью разбрасывать или расклеивать листовки. Вообще-то я хотела бы больше ему помогать, но он так нос задирал, говорил, что без девчонок обойдется! И я очень на него обижалась...

Хотелось подробнее расспросить маленькую продавщицу о ее брате, но ей было интересно узнать про Москву. Так мы и расстались — она многое услышала от меня о Москве, я же поняла, что ее брат — один

из тех смелых ребят, кто не сидел сложа руки в оккупированном городе, как и герои повести «Взрыв».

... Девочка, поющая песню о папе, которого наградили Звездой Героя, маленькая продавщица из города Хошимина и ее отважный брат, черноволосые девочки с куклами, после пионерского лета в Артеке, улетавшие с московского аэродрома «Шереметьево» к себе домой, — все эти вьетнамские ребята нынче живут в стране, которая после долгих десятилетий суровой борьбы стала наконец свободной, независимой и единой и носит гордое звание — Социалистическая Республика Вьетнам.

И. Зимонина

1

На улице уже зажглись огни, когда Туан подходил к своему дому. Он быстро свернул в темный переулок, похожий на узкую и длинную траншею. Дорога, вся в рытвинах, была скользкой после дождя. Дом, где жил Туан, стоял в самом конце мрачного безымянного переулочка, каких здесь, в рабочем квартале, возникло немало. И почти из каждого дома кто-нибудь служил в «национальной» армии Дьёма^{1}. Селились здесь одни бедняки, которые с трудом зарабатывали себе на жизнь. Среди них были портовые грузчики, землекопы на строительстве военного аэродрома в пригородной зоне, могильщики на кладбищах...

Квартал всегда был погружен в мертвую тишину. Взрослые уходили на работу, но и детей на улицах не было видно. Если им и захотелось бы выйти поиграть, то сделать это было очень трудно: родители закрывали двери на ключ, а в тех домах, где оставались старики, то и дело слышались окрики, едва дети ступали за порог.

Как-то холодно и мрачно было здесь. Квартал ненадолго оживал лишь по вечерам в те минуты, когда взрослые возвращались с работы. Тогда то там, то здесь радостно кричали дети, встречающие родителей, слышалась ругань какой-нибудь женщины, у которой пропала кастрюля, висевшая на заборе; раздавался сухой кашель старика, который, как все считали, болел туберкулезом...

Жизнь этих семей была очень трудной. Женщины, возвращаясь поздно вечером, должны были в спешке заниматься домашними делами: варить рис, купать детей, стирать... В одиннадцатом часу, прежде чем погасить лампы и улечься спать, по всему кварталу начинали молиться, и этот монотонный шепот, казалось, плыл от одного дома к другому, возвещая о том, что окончился еще один безрадостный день...

Все привыкли называть этот квартал Новым. Конечно, нового на самом деле здесь ничего не было. Старые крыши, покрытые листьями кокосовой пальмы, тесно прижимались одна к другой и уже совсем потеряли красивый золотисто-коричневый цвет. Ливни и зной сделали свое дело: листья покоробились и скрутились, напоминая взлохмаченные, нечесанные волосы.

Как быстро летит время! Туан поселился здесь три года назад, в 1959 году. Тогда ему было трудно понять, почему отец из центра города переехал сюда, в этот бедный квартал. В первое время Туан был очень подавлен такой переменой в их жизни и не переставал сердиться на отца. И в самом деле, скольких друзей он сразу потерял. Разве он мог забыть заядлого футболиста Кóу или Нгуена, по прозвищу Цапля, который всегда при встрече с Туаном лез в драку. А сколько было других ребят! Туан никак не мог забыть их!.. Но хуже всего было то, что ему пришлось бросить школу...

Тогда, в первый же день после переезда, Туан расплакался: «А где я буду теперь учиться?»

Отец посмотрел на сына, потом отвел глаза в сторону и долго молчал. Казалось, он что-то обдумывает про себя. Туан переспросил еще раз, но ответа не было. Отец сидел не шевелясь, он даже не согнал мухи, севшей ему на лоб. Туан хотел было еще раз спросить, но побоялся рассердить отца.

Да, в последнее время характер отца очень изменился. Это случилось после того, как за матью приехали полицейские на машине и увезли ее. Отец тоже куда-то ушел и не возвращался три дня. Туан остался один и все ждал и ждал родителей. Когда вернулся отец, Туан

разрыдался. Отец тоже плакал, и слезы медленно катились по его щекам. Потом он сказал:

— Ну вот что, сынок! Нам с тобой нужно перебираться в другое место...

И вот они в Новом квартале. Туан уже несколько дней подряд спрашивает отца, где он будет теперь учиться, но отец только хмурится в ответ. Однажды, когда мальчик снова задал свой вопрос — сердце его при этом глухо стучало, он боялся вызвать гнев отца, — тот неожиданно притянул к себе сына, прижал к груди и тихо погладил по голове. А потом сказал:

— Ты должен пожертвовать школой. Мне очень больно за тебя, но ничего другого я сделать не могу. Ведь ты уже умеешь и читать, и писать, и считать. Пока и этого хватит...

Туан вновь расплакался, а отец слегка оттолкнул его от себя и сказал:

— Ну, зачем капризничать... Если будет время, я сам научу тебя тому, что знаю...

Туан отошел, вытирая слезы рукой.

Они жили в доме супругов Шáу. У них был сын примерно одного возраста с Туаном. Звали его Тхань, и он здорово был похож на Нгуена-Цаплю — такой же худой и высокий, но все же более спокойный, чем его старый друг.

Когда Туан впервые появился в их доме, Тхань во дворе колот дрова. Заметив Туана, он продолжал свою работу, время от времени поглядывая на мальчика. Что-то озорное было в выражении его глаз, будто он спрашивал: «Ну что, так ты, значит, поселишься в моем доме?» Туан так это и понял и поэтому молча кивнул ему головой: «Да!»

Дядя Шау работал шофером такси. Обычно он по целым дням не бывал дома и возвращался очень поздно.

Тетя Шау тоже все время занималась своими делами, и у нее очень редко выпадали свободные минуты. Каждый день ни свет ни заря она была уже на ногах и начинала возиться на кухне. Утром она варила суп с клецками и уходила продавать его на базар. Часов в девять-десять утра Туан вновь видел тетушку Шау, которая торопилась домой с коромыслом на плечах. Потом она затевала стирку, потом молола зерно. Когда все зерно бывало размолото, солнце уже обычно отбрасывало косые длинные тени.

К этому времени домой возвращался Тхань, который работал в ближайшем кафе. Тхань как-то похвастается Туану, что уже больше года работает в кафе уборщиком. Каждое утро, продав газеты, Тхань торопился в кафе, где его ждала грязная посуда и неубранные столы. После обеда он мчался домой, чтобы хоть немного поспать. Его будили около пяти вечера. К этому времени тетя Шау уже успевала приготовить ужин, а Хоа, младшая сестренка Тханя, начинала тормошить брата, громко крича ему в ухо, чтобы тот скорее просыпался.

Наскоро поев, Тхань вновь убежал из дому. Иногда его деревянный ящик был набит пачками сигарет и спичек. Иногда в этот ящик он складывал сапожные кремы различных цветов и щетки. По вечерам Тхань вертелся около баров, возле дансингов. Когда он возвращался домой, Туан уже спал...

У Тханя было много младших братьев и сестер. После него старшей была Хоа, потом шли братишки Конг, Вьет и сестричка Нам. А самому маленькому, Тхангу, едва исполнился год. Он уже начинал ходить, неуклюже переваливаясь, как утенок, и часто шлепался на землю.

В первый день их встречи Тхань, закончив рубить дрова, подошел к Туану и стал знакомиться. Он сразу же сказал, что ему двенадцать лет и что он умеет зарабатывать на жизнь.

Туан удивленно смотрел на него.

— Ну, а что ты умеешь делать?

— Да все! — ответил Тхань, открыв в широкой улыбке свои щербатые зубы.

— Врешь!

— Почему? Я правду говорю. Ну, слушай. Продавать газеты — раз, убирать столы — два, чистить обувь — три, продавать сигареты — четыре, грузить уголь на пароходы — пять, таскать повозки — шесть! — И он снова широко улыбнулся. — То-то же! Вот видишь, я все умею!

Прошло немного времени, и Туан убедился, что Тхань говорил правду. Он на самом деле был мастером на все руки. Пилить, строгать доски, резать из жести полоски и делать из них всякие коробки — ну, в общем, все умел делать этот Тхань. И каждый раз, видя, как тот занимается чем-то новым, Туан проникался еще большим уважением к нему.

Благодаря Тханю со временем Туан тоже кое-чему научился. С начала прошлого года Туан стал уличным продавцом газет, потом освоил профессию чистильщика обуви и тоже начал работать в кафе.

Туан рассказал Тханю о своей маме, о том, как полицейские схватили и увезли ее...

— Значит, — сказал Тхань, — у тебя нет матери, так? А у меня есть родители, и, выходит, что хоть мы и живем трудно, а я счастливее тебя.

— Только очень уж бедно вы живете! — вздохнул Туан. — Да еще столько малышей в доме...

— Мои родители хоть и бедные, но добрые, ты не думай...

— Ты тоже славный парень, Тхань! — сказал Туан. Он хотел еще что-то добавить, но слова будто застряли у него в горле.

— А я хоть и не все еще о тебе знаю, но мне здорово жаль тебя, Туан! — Тхань замолк на минуту, о чем-то размышляя, потом продолжал: — Вначале здесь тебе все будет непривычно, а потом это пройдет. А чем занимается твой отец?

— Отец — рабочий.

— Рабочий? — радостно вскрикнул Тхань, которому сразу понравился дядя Нам, отец Туана.

Тхань улыбнулся Туану, но вдруг лицо его стало серьезным. Широко открыв глаза, он уставился на Туана, как на диковинку. Туан даже смутился:

— Ты чего вылупился?

— Я тебе не верю! — Тхань покачал головой. — Ненавижу врунов... Я бы тебе сказал, да боюсь — обидишься.

— Ну, давай говори. Чего уж обижаться!

Тхань колебался. Но Туан прямо смотрел ему в глаза, как бы требуя: «Говори!»

— Ну ладно, скажу... Слушай, Туан! Вот ты будто сын рабочего, а выглядишь чистюлей. Принц ты, вот ты кто!

Туан покраснел. Слово «принц» больно укололо его, хотя он и обещал не сердиться. Честно говоря, он не понимал, что значит это слово, но судя по всему, что-то нехорошее.

— Я сказал правду. Мой отец — рабочий, понял? — Голос у Туана дрожал.

Тогда Тхань произнес:

— Я верю тебе. Наверно, твой отец мастер своего дела и у него была хорошая работа.

Этого Туан как раз и не знал, ведь он не представлял себе даже, где теперь работает его отец. Он стал напряженно припоминать. Однажды, когда еще с ними была мама, она сказала, что отец работает в мастерской Те-Куан. Но когда он спросил об этом отца, тот ответил, что больше там не работает. В последнее время он, кажется, работал в какой-то фирме по продаже вин.

— Я слышал, что отец работает на нескольких работах. Он все умеет, так же, как и ты. Он хороший рабочий...

У Тханя весело заблестели глаза, он рассмеялся, а Туан добавил:

— А то, что я хорошо одет... Ведь я у отца один-единственный, а вас вон сколько в семье!..

— Пожалуй, что так, — кивнул Тхань, — ты попал в самую точку. Мы бедно живем. Мне жалко маму, поэтому я и пошел так рано работать. Помню, в первый раз убежал из дому продавать газеты. Знаешь, какой шум был. Когда вернулся и рассказал обо всем маме, она и ругала меня и плакала. А вечером пришел отец, ему все рассказали, но он только рассмеялся. А я-то боялся, что мне от него влетит! Потом он подозвал меня и спросил: «Кто научил тебя этому?» Я ответил: «Да никто. Вижу — матери тяжело, вот и решил помочь. Мои друзья тоже ведь работают». А отец возьми и скажи: «Ну и молодчина! Смелый ты парень!» Я переспросил: «А что, по-твоему, значит быть смелым?» Он объяснил, что это значит не бояться трудностей, а прямо идти вперед, не сдаваясь и не отступая.

Рассказывая эту историю, Тхань то и дело улыбался. По его мнению, продавать газеты — очень увлекательное и интересное занятие. Все тебе известно — где, что и как происходит. Ну, а потом, хоть и устанешь, носясь по улицам как угорелый, но зато можешь вволю поболтать с друзьями. Соберутся газетчики где-нибудь вместе, сядут и давай друг другу рассказывать новости, которых в газетах нет. Можно много интересного узнать. Особенно любили ребята поговорить о военных столкновениях, о налетах партизан на посты, о разгроме дотов. В пригороде по ночам часто слышалась стрельба, но ведь газеты об этом ничего не сообщали...

Видя, что его новый друг одет в какие-то вылинявшие лохмотья, Туан однажды достал из чемодана трикотажную рубашку.

— Держи!

Тхань испуганно посмотрел на него. Рубашка была совсем еще новая! От нее даже пахло нафталином. Вначале он взял ее, но потом раздумал и вернул обратно.

— Не хочешь? Может, поискать что-нибудь другое?

Туан потащил его за руку к чемодану и стал вытряхивать из него одежду:

— Бери, что нравится...

— Нет. Спрячь все обратно. Я не возьму ничего.

Честно говоря, у Тханя глаза разбегались: столько здесь было красивых вещей. Но Тхань подумал: «Я ведь весь день ношусь по улицам, ни учиться, ни гулять не хожу, так зачем мне наряжаться!»

А Туан никак не мог понять, почему его новый друг отказывается от подарка.

— Ну посмотри на эту рубашку! Это мне мама сшила. Правда, пачкается быстро... А вот эти уже ношенные, — ты не думай, я не хочу дарить тебе старое...

Тхань мотал головой. Ему хотелось бросить все и убежать. Но Туан удерживал его за руку и в конце концов всучил ему светло-зеленую рубашку. Отказаться было никак нельзя, и Тхань принял подарок. Но прошел день, другой, а он все не появлялся в обновке. Не выдержав, Туан спросил:

— Тхань, а где рубашка?

— Вот, на мне, — показал Тхань на рубашку, что была на нем, и удивленно посмотрел на Туана.

— Да нет. Я спрашиваю о той рубашке?

— А, о зелененькой, да? — догадался Тхань. — Ты что, хочешь взять ее обратно?

— Нет, зачем же? Но почему ты ее не носишь?

Тхань покраснел и отвел глаза в сторону.

— Ну, отвечай! Почему?

— Ты не сердись, я ее отдал...

— Отдал? Кому?

— Ты, может, знаешь Ута, который газеты продает? Он из очень бедной семьи, вот я и отдал...

Туану было немножко досадно, но в то же время Тхань начинал нравиться ему все больше и больше. Вот уж действительно добрый парень! Туан вспомнил слова матери: «Бедные всегда помогают друг другу...» Так и Тхань — у самого латка на латке, а новую рубашку отдал другу.

— Хороший ты парень, Тхань, понял!

— Чем хороший? — удивился Тхань. Он все еще считал, что эта рубашка принадлежит Туану.

— Я знаю, что говорю, Тхань! Ты хорошо относишься к друзьям. А та рубашка была последней, которую сшила мне мама. Я ее даже не надевал. Ты мне нравишься, вот я и подарил ее тебе.

— Тебе жалко, да? — быстро спросил Тхань.

— Да что ты! Если б было жалко, я бы и не давал...

Тхань закивал головой, а потом, неожиданно положив руку на плечо Туана, сказал:

— Ты тоже... очень хороший.

* * *

Так пронеслись три года. Туан сильно изменился. Теперь он тоже умел зарабатывать на жизнь. Так же как и Тхань, он бегал продавать газеты и убирал в кафе. Но в последние месяцы газеты не очень-то расходились, потому что в них не писалось о том, что интересовало читателей.

Отца почти никогда не бывало дома. Он приходил очень поздно, каждый раз расспрашивал сына о разных делах, но никогда не вспоминал о своем обещании учить сына дома. Как-то Туан решился

напомнить отцу о его обещании. Отец погладил сына по голове и улыбнулся:

— Ты же знаешь, как я занят! Пусть уж дядя Шау займется твоим образованием...

Туан терпеливо ждал... Дядя Шау был тоже всегда занят, и мальчик не решался надоедать ему.

Прошло уже много времени, и Туан подумал, что дядя Шау обо всем забыл. Но вот однажды он позвал Туана и Тханя и начал «урок истории». Дядя Шау рассказал о том, что еще не так давно Вьетнам был оккупирован французами. Народ жил очень плохо, но никогда не прекращал борьбы. Французские колонизаторы находились во Вьетнаме свыше восьмидесяти лет, и все это время против них вспыхивало одно восстание за другим. Но эти восстания жестоко подавлялись. До тех пор, пока не была создана Коммунистическая партия Индокитая. А потом...

Дядя Шау рассказал и о юных героях, таких, как Чан Куок Тоан, например. Ему было шестнадцать лет, когда враг с севера напал на страну. Это было очень давно. Легенды рассказывают, что Чан Куок Тоан создал свою армию и на знамени написал боевой призыв.

В годы войны Соппротивления против французских колонизаторов славный Ким Донг, бывший связным, совершил не один подвиг и погиб как герой. В те же годы в Сайгоне сражался пионер Ле Ван Там. Он облился бензином, поджег себя и взорвал крупный военный склад врага. А в горах Тай-Нгуэна широко был известен храбрый партизан — мальчик по имени Зюк...

Потом дядя Шау сказал:

— Диктатор Нго Динь Дьем — это гончая собака на службе у американских агрессоров. Он ни за что не хочет, чтобы Вьетнам был мирно объединен. Раньше — французы, а теперь американцы хотят покорить Вьетнам. Ну, а Дьем, как все предатели, продал свою страну иностранным грабителям. Вот поэтому народ поднимается, чтобы бороться против своих врагов...

Туан хорошо запомнил этот первый урок.

Как-то вечером дядя Шау вернулся с работы в очень плохом настроении. Он не сразу лег спать, а о чем-то долго перешептывался с тетушкой Шау. Уже была глубокая ночь, даже ящерица за перегородкой перестала возиться. Но дядя Шау все еще не ложился спать. До слуха Туана сквозь сон долетели отдельные слова и обрывки фраз:

— Несчастный мальчик... не нужно ему говорить...

Потом он услышал голос тети Шау:

— А это точно?

— Да, — ответил дядя Шау. — Днем я был у связных. Группу раскрыли.

— Предательство?

— Пока неизвестно... А его... вот несчастье!

Туан услышал, как тяжело вздохнула тетя Шау. Из этого отрывочного разговора он почти ничего не понял. Но вдруг что-то тревожное промелькнуло в мыслях, мальчика охватило беспокойство. Туан не знал, что случилось, но, кажется, произошло большое несчастье. Да вот и отца нет уже целую неделю. Еще вчера Туан спросил у дяди Шау, не знает ли он, куда мог отец уйти так надолго. Дядя Шау помолчал, а потом как-то туманно ответил:

— Он уехал в одну провинцию. Будет через неделю. А если задержится, значит, на пароходе поехал в Камбоджу.

... Прошла, вернее, пронеслась еще одна неделя. Отец Туана все не возвращался. Последние ночи Туан во сне часто видел свою маму. Вновь, как в то утро, полицейские подъезжали на машине, чтобы арестовать ее. Он тогда гулял на улице. Вдруг у их дома остановилась закрытая серая машина и несколько полицейских ворвались в дом. Туан бросился за ними, но от дверей его отогнал дубинкой

полицейский. Потом появилась мама в наручниках, полицейские повели ее к машине.

Она шла медленно и искала глазами сына. Дубинка в руках полицейского раскачивалась из стороны в сторону. Туан хотел броситься за мамой, но не решился. Он стоял как вкопанный, до боли закусив губу. И хотя ему было больно и страшно за маму, он в ту минуту все же не плакал. Только к горлу подкатил какой-то комок...

Однажды вечером, вернувшись с работы, Туан решил поговорить с тетей Шау. Она молола зерно во двореке.

Увидев насупленные брови Туана, тетушка Шау сразу обо всем догадалась, но все же спросила:

— Чего тебе, Туан?

— Тетя, — слезы душили Туана, — это правда, что мой отец арестован?

Женщина остановила жернова, подняла фартук и, не торопясь, вытерла пот с лица, чтобы хоть как-то скрыть свое волнение. Лицо ее побледнело. Потом она подозвала мальчика поближе и села вместе с ним на скамейку.

— Ну... ну, успокойся... А кто тебе это сказал?

— Вы от меня скрывали, но я сам все узнал. Сегодня об этом пишут газеты, и фото отца есть. Там говорится, что схвачен один вьетконговец{2}.

— А может, он просто похож на твоего отца? Фамилия-то названа?

— Нгуен Ван Вуй.

— Вот видишь, отца же зовут Нам Лау...

— Не обманывайте меня, тетя. Вот газета. Разве я не знаю своего отца? Вот родинка справа, большая, как горошина, а глаза? Да что там говорить...

Тетушка Шау поняла, что теперь Туану известно все. Стараясь не волноваться, она спросила:

— Что здесь написано?

— Что мой отец опасный вьетконговец.

— Опасный вьетконговец... — повторила задумчиво тетя Шау. — А ты понимаешь, что значит «Вьетконг»?{3}

— Конечно. Раньше я об этом уже спрашивал у отца и у мамы. Вьетконговцы — это патриоты, которые борются против американцев и Дьема.

Тетя кивнула головой, а потом сказала:

— Ступай в дом. Никому об этом ни слова. Вечером никуда не ходи. Я расскажу тебе, чем занимался твой отец.

В этот вечер тетушка Шау, укачав младших ребятишек Вьета, Нама и Тханга (Хоа и Конг сами ложились спать), села за починку их одежды и начала свой рассказ.

После ареста мамы отец Туана продолжал подпольную работу. Помимо создания подпольных ячеек из рабочих различных предприятий, он руководил работой среди жителей Нового квартала и особенно среди переселенцев-католиков. Когда полиция напала на след подпольщиков, мать Туана была арестована. В их старом доме в то время находилась явочная квартира городского отделения Национального Фронта Освобождения. Каждый день к ним приходили какие-то лица, которые спрашивали маму. Они оставляли ей, как портнихе, заказы, потом мама прятала этих «заказчиков» на чердаке, а сама садилась за швейную машину.

Туан хорошо помнил лестницу, которая стояла у них дома. Мама обманывала его, говоря, что это никому не нужная старая вещь. Правда, одно время отец действительно работал маляром и ему нужна была складная лестница. Кроме нее, в доме то там, то здесь стояли банки из-под краски с воткнутыми в них кистями. Однажды под вечер Туан, вернувшись, застал какую-то незнакомую женщину,

которая в эту минуту спускалась с чердака по этой самой лестнице. А через час нагрянули полицейские и перевернули весь дом. Они пересмотрели все бумаги, тетради, учинили обыск даже в спальне. Были перерыты все чемоданы, шкафы...

Потом такие неожиданные обыски в их доме участились. Мама научила Туана, если вновь появятся эти собаки, отвечать им коротко: «Я еще маленький, только учусь. Не знаю. Спросите об этом у моей мамы...»

Туан понял, что мама была подпольщицей. А за отцом он пока ничего не замечал, потому что отец всегда был где-то занят и очень редко бывал дома.

В тот раз, когда мама проводила незнакомку через калитку, Туан дождался ее во дворе и спросил:

«Так ты прятала подпольщицу, да?»

«Тише! Что ты кричишь?»

«Они ее не схватят?»

«Не болтай! А тебе ее жалко?»

«Жалко...»

«Почему?»

«Потому, что она, как и ты... против американцев и Дъема».

Мама улыбнулась и погладила его по щеке:

«Ты умница, сынок! А ты знаешь, почему эта женщина против американцев и Дъема?»

«Знаю, мама».

«Ну скажи!»

«Американцы — грабители. Дьем — продажная шкура, он слушает американцев. А они с помощью Дьема, хотят сорвать мирное объединение страны, убивают наш народ, патриотов...»

«Кто тебя научил?»

«Папа! А в школе учителя бубнят, что нужно «быть признательным президенту Нго». Надоело их слушать!»

«И ты спорил с учителями?»

«Нет, папа говорит, что главное — знать, что к чему, а пререкаться нельзя. Ведь так можно себя выдать!»

Мама рассмеялась:

«Молодец, сынок! Пусть они там говорят себе что вздумается. Ну ладно, иди садись за арифметику. А если кто придет и будет спрашивать, отвечай, что ничего не знаешь...»

И вот теперь, слушая рассказ тетушки Шау о подпольной работе отца, Туан как наяву представлял себе все события, произошедшие в их старом доме.

Он не плакал, а только молча кусал губы. Ему стало до боли жаль своих родителей. Три года прошло после ареста мамы, но никаких вестей от нее до сих пор нет. А может, ее уже и нет в живых. Теперь они схватили отца. У полиции было много улик против него. Наверно, эти собаки сильно били его перед тем, как вынести свой приговор. Туан вздрогнул, представив, как по лицу отца сбегает струйки крови на его блузу.

Тетушка Шау закончила свой рассказ. Пятеро детей спали вповалку на дощатом настиле. Туан потянулся, откинувшись на спинку старого плетеного стула. Он больше ни о чем не думал и рассеянно посмотрел в сторону переулка.

Ночь была темная и мрачная. Ветер тихо шелестел в сухих листьях кокосовой пальмы. Тетушка Шау сочувственно посмотрела на мальчика:

— Ты уже взрослый и понимаешь, что делали для своей родины твои родители. Будь храбрым, сынок... таким же, как и они...

Тетуска Шау впервые назвала его «сынок». От этого у Туана будто что-то перевернулось в сердце, истосковавшемся по материнской ласке. Он только еще крепче сжал губы, стараясь не расплакаться. Но слезы помимо воли побежали по его щекам...

* * *

Прошло время. Отец Туана совершил побег из тюрьмы и ушел в освобожденные районы. Вечером Шау остановил свое такси у кафе, где работал Туан, и сообщил ему эту радостную весть.

Туан был счастлив. Глаза его так и сияли, он стал что-то громко и весело насвистывать.

— Эй! — Услышав его громкий свист, из-за двери выглянул удивленный дядюшка Лай, хозяин этого жалкого кафе. — Что с тобой? Прекрати свист немедленно!

2

Тхань, держа под мышкой свой старый ящик со множеством отделений, набитых сигаретами, уже подошел к двери, но обернулся и еще раз сказал сестренке Хоа:

— Когда вернется Туан, пусть идет к кинотеатру «Казино», запомнила?

Хоа только что закончила стирку. Отряхивая руки от мыльной пены, она сказала:

— Запомнила! Все учишь!

Тхань погрозил ей кулаком:

— А забудешь и испортишь нам дело — смотри у меня! — И, чтобы проверить ее, снова спросил: — Повтори! Куда должен пойти Туан?

— Забыла.

— Хватит шутить. Так где мы с ним встречаемся?

Хоа, притворяясь, что не расслышала, взялась за штопку. Брат начал сердиться:

— Слышишь, что я говорю?

Хоа вздернула вверх подбородок, так что ее коротенькая косичка упала за спину, и рассмеялась:

— Да слышу же! Ишь какой злюка! Вот возьму и ничего не скажу Туану, тогда будешь знать!

Тхань по опыту знал, как справиться с сестренкой. Лицо его стало серьезным.

— Брось баловаться, отвечай! — И, подражая голосу отца, когда тот беседовал с жителями поселка, Тхань серьезно произнес: — Речь идет об очень важном деле!

Теперь Хоа уже не улыбалась. Испугавшись, она медленно, по слогам повторила:

— У... кино... театра... «Казино», верно?

— Правильно, молодец!

Тхань вышел из дому. Сегодня вечером действительно у них важное дело, а не просто прогулка. Уже более шести месяцев Тхань по поручению своего отца выходил на связь с вышестоящей подпольной организацией. Первое поручение ему было дано вскоре после ареста отца Туана. Что такое «вышестоящая организация», где она находится, Тхань не представлял. В его задачу входило являться на условленное место, передавать письма, получать документы. Место встреч постоянно менялось. Один раз — у кинотеатра, в другой раз — в магазине. Иногда на стадионе или на выставке...

Тхань даже растерялся, когда отец дал ему поручение. Дело в том, что еще раньше он вступил в подпольный пионерский отряд Борьбы за освобождение имени Ле Ван Тáма. И скрывал это и от отца и от матери. С начала 1962 года он между работой то продавца газет, то

чистильщика обуви распространял листовки Национального Фронта Освобождения. Часто ему приходилось взбираться на высокие деревья и вывешивать знамена прямо в городе. В умении лазить по деревьям он уступал, пожалуй, только шимпанзе. Все эти дела — и листовки, и знамена, и дежурства, и многое другое — поручались в отряде ему, и все это он выполнял успешно. А когда Тхань начал работать связным у отца, то заниматься делами в пионерском отряде ему стало намного труднее. И не потому, что он ленился или не старался, а просто времени стало в обрез. Об одном Тхань всегда вспоминал с удовольствием: о том, что втянул в работу отряда своего ближайшего друга Туана.

Говоря точнее, ему не представляло особого труда это сделать. Мама ведь тоже говорила, что Туан — настоящий сын своего отца и что все беды, которые обрушились на его голову в связи с арестом родителей, только подтолкнули его к решению самому участвовать в подпольной работе.

А вскоре Туан стал выполнять поручения подпольной организации. Вначале в группе Тханя был только Туан. Через несколько месяцев к ним присоединился Ви — мальчишка, которому Тхань дал кличку «Око». Он был сыном тетушки Бай Чынг, дом которой стоял в начале переулка. Мать говорила, что отец Ви погиб по вине Дъема. Семья тетушки Бай Чынг, как и многие другие семьи католиков, переселилась сюда, поверив красивым обещаниям Нго Динь Дъема устроить их жизнь. Но Дьем обманул переселенцев. На месте не оказалось ни жилья, ни земли, ни скотины. Повсюду царили голод, нищета и болезни. Несколько младших детей в их семье умерли прямо в лагере для переселенцев. Натерпевшись вдоволь горя, мать вынуждена была пойти искать работу. Но глаза ее с тех пор никогда не просыхали от слез.

Как рваная одежда никогда не станет новой, так и лишения в их семье никогда не сменялись достатком. А потом отца насильно взяли в «национальную» армию, и он погиб во время одной из карательных экспедиций в лесах Тай-Нгуена в конце пятьдесят девятого года.

Ви на первый взгляд казался тихим и смирным, но на самом деле был отчаянным сорванцом. Еще до переезда Туана в этот переулок Тхань

и Ви несколько раз дрались между собой, и все из-за пустяков. Ви никак не понимал, почему в поселке к нему так плохо относятся. А Тхань обозвал его Оком просто так, ради шутки. Кто бы мог подумать, что мальчик затаит в душе обиду за это. И они дрались. Но потом помирились и даже стали друзьями.

Ви ходил по вечерам продавать арахис. Со своей старой заржавевшей коробкой под мышкой он носился по улицам, частенько крутился у стадиона, бродил по зоопарку. А дома помогал делать все, что было в его силах: молот рис, очищал и жарил арахис, смотрел за малышами. Его мама с первого же дня, как поселились в Новом квартале, не снимала с плеч коромысла: с утра до вечера она продавала на улицах вареный рис и чай прохожим.

В отряд Ви вступил после того, как его «сагитировал» Туан. Темнота темнотой, он тогда не умел ни писать, ни читать. А через три месяца, благодаря Туану, который по вечерам после работы забегал к другу, Ви научился читать газеты. Радость его была безмерной; ведь теперь он узнавал столько новостей, сколько раньше ему и не снилось. И все, что сообщалось в газетах, было ему в диковинку.

У него один за другим возникали вопросы, с которыми он не переставал надоедать Тханю и Туану: а почему газеты рабочих закрываются? Почему в официальной прессе то и дело пишут о «победах над Вьетконгом»? Правда ли это? А раз неправда, значит, сайгонские газеты все врут?

Туан помогал другу постепенно разобраться во всех тех вопросах, с какими еще недавно сам обращался то к отцу, то к матери. Друзья часто встречались и подолгу разговаривали обо всем, мечтали о будущем. Ви рассказывал, что родина его в провинции Хай Зи́онг и что он очень скучает по родным местам. Рисовые поля там широкие-широкие, кругом много пагод и костелов. Туану же хотелось как можно скорее увидеть маму и отца. Тогда бы они вместе смогли навестить бабушку, которая, как говорила мама, уже старая — ей больше восьмидесяти лет. Жила она где-то в центральной части Южного Вьетнама. А когда Вьетнам будет объединен, Туан уговорит родителей поехать на поезде в Ханой.

— Вот будем, Ви, хорошо работать, и все наши мечты сбудутся. Наш отряд носит имя Ле Ван Тама. Нам всегда нужно помнить о подвиге героя и быть достойными его...

Однажды вечером Тхань и Туан, едва они успели вернуться с работы, услышали резкий и протяжный свист. Это Ви вызывал их на встречу.

Тхань и Туан выбежали в переулок. Лицо Ви сияло от радости.

— А что у меня есть! — воскликнул он.

— Что? — в один голос спросили его друзья.

Глаза Ви стали совсем круглыми, он вплотную приблизился к ребятам и прошептал:

— Граната!

От удивления Тхань и Туан даже присели.

— Откуда? — после недолгого молчания спросил Туан, сдвинув брови.

Ви стал объяснять:

— Вы думаете, это шуточки, да? Знаете как с ней опасно! Того и гляди, рванет!..

И он тут же без передышки принялся со всеми подробностями рассказывать, как ему удалось раздобыть гранату.

Уже больше недели Ви каждый вечер крутился у военной казармы, расположенной в северном пригороде. Он продавал там арахис и постепенно завел знакомство с несколькими солдатами. Поначалу он вертелся только у ворот, а потом, набравшись храбрости, зашел на территорию казармы. Не теряя ни минуты Ви быстро осмотрелся по сторонам, стараясь запомнить каждую мелочь. И конечно, от его внимания не ускользнуло, где стоит оружие и лежат гранаты...

Два дня назад он уже хотел было выполнить свой план, но так и не решился. Ведь за всю жизнь он еще ни у кого ничего не украл! Дома

мама всегда держала деньги в незакрытом ящике шкафа: знала, что дети никогда не дотронутся до них. И теперь, задумав взять гранату, похожую на плод манго, Ви растерялся. Руки предательски дрожали. Глаза в беспокойстве бегали по сторонам, он ежесекундно оборачивался, боясь, что кто-нибудь увидит. Да и как тут не переживать, не волноваться — уж если его схватят, то, как говорится, ему не сносить головы! И Ви струсил. Но уже вечером, вернувшись домой, он стал ругать себя за нерешительность: ведь так или иначе, а рисковать придется!

В конце концов он решился. Прошлым вечером, улучив момент, когда солдаты пили вино, закусывая арахисом, и играли в карты, Ви шмыгнул в помещение и в мгновение ока очутился в нужной ему комнате. Именно здесь был склад оружия. Зажав в руке гранату, он весь задрожал от радостного волнения. Потом спрятал ее на дно коробки под тряпку, пожалев, что арахис почти весь продан и нечем гранату замаскировать. Нужно было немедленно уходить...

В этот самый момент рядом хлопнула дверь. Ни жив ни мертв, Ви спрятался в угол, за входную дверь, и притаился.

Ожидание было мучительным. Чья-то голова в солдатском шлеме заглянула в склад. Ноги почти не держали Ви, колени задрожали еще сильнее.

«Опять этот Ту забыл закрыть склад!» — пробормотал солдат почти над самым ухом Ви. Голова скрылась, и дверь тут же с силой захлопнулась. В замочной скважине несколько раз щелкнул ключ. Шаги кованых башмаков удалились...

Ви бросило в пот, он растерянно смотрел по сторонам. Значит, ловушка! Что же делать? Конечно, солдаты его обнаружат и схватят... А тогда... Ви вспомнил маму, младших братишек и сестренку. Подумал о Тхане и Туане... Ви проклинал себя.

Вскоре, однако, его растерянность прошла, и он стал собираться с мыслями. Во всяком случае нельзя сидеть здесь сложа руки в ожидании, пока схватят. Надо искать выход...

Первым делом он начал обшаривать стенки — нет ли какого-нибудь окна. Но склад был наглухо закрыт со всех сторон. «Как же мне выбраться?» — мелькнула мысль, и вновь тревожно застучало сердце. Ви закусил губы, чтобы не расплакаться, но слезы было не так просто сдержать. И опять он вспомнил маму. Наверно, уже сейчас, не дождавшись его, мама все выглядывает на дорогу.

«Нет! Во что бы то ни стало, а выход надо найти!» Он вытер слезы, поднялся и еще раз обошел комнату. Вот это да! На этот раз в дальнем углу он нащупал стоявшую там лестницу! «Вот и все!» — мелькнула радостная мысль. Ви опустил коробку на пол и тщательно приставил лестницу к стене. Ну и темнота, хоть глаз выколи. Он осторожно стал на первую, потом на вторую перекладину, слегка попрыгал на ней. Нормально. Выдержит.

Вверху был квадратный люк, ведущий на чердак. Но для Ви лестница была короткой, и нужно было напрячь все силы, чтобы дотянуться до потолка. Ви спустился на пол за коробкой, закинул ее на чердак, а потом влез сам. На чердаке он почувствовал себя намного спокойнее. Оказывается, крыша казармы была сложена из черепицы, везет же! Разобрать ее не стоило большого труда. В общем, ясно. Но постой, постой! А как же спуститься с крыши вниз?

Радость, которая только что обожгла его сердце, мгновенно погасла... Ви перестал рассказывать. Тхань, жадно слушавший рассказ друга, нетерпеливо воскликнул:

— Ну чего тянешь? Давай дальше! Как же ты оттуда выбрался?

Ви, довольный, улыбнулся:

— То-то же! Уметь надо! Так вот, думал я, думал и ничего не мог придумать. Потом вдруг вспомнил, вроде бы на шкафчике в складе лежал моток веревки. Сил никаких не было, а пришлось опять спускаться вниз.

— И что, нашел веревку? — радостно спросил Туан.

— Конечно... А то, может, я бы сейчас с вами не разговаривал.

— А солдаты не видали? — спросил Тхань.

— Так они же пьянствовали!

Помолчали. Потом Туан сказал:

— Группа выносит тебе благодарность. За смелость. Но не обижайся, ругать тебя все же придется. Прежде чем идти на такое опасное дело, нужно всегда посоветоваться с группой. Случись что, мы могли бы тогда прийти тебе на помощь, разве не так?

Ви почувствовал, что его ругают для формы, а в то же время и хвалят. Он был и смущен, и, главное, радостно взволнован. Ну что ж, ругают его правильно. Но ведь смелость свою он доказал! А не рисковать, так эту гранату, похожую на плод манго, только бы и видели!

Тхань молчал. Раньше он был старшим в группе, но, став связным у отца, передал руководство Туану.

— А где сейчас граната? — тихо спросил Туан.

— Спрятал у своего дома. Я закопал ее в землю. Она в коробке...

Тхань вытаращил глаза:

— Ты что! Нужно срочно откопать, иначе испортится...

— Испортится? — искренне удивился Ви. — С чего бы это? Ты не выдумывай! А если мама узнает? Знаешь какая она! Опасно... А граната лежит себе в коробке, завернутая в тряпку. Сколько масла я туда залил, знали бы, так не спорили...

Ви говорил убедительно. Тхань подумал, что, может, так оно действительно лучше. А где ее еще можно спрятать? Повернувшись к Туану, он спросил:

— Ну, а ты что скажешь?

Туан не торопился с ответом, молча обдумывая все, как взрослый.

— Пусть пока там полежит. Вечером встречусь с руководством и доложу. Как вы думаете, что если попросить разрешения использовать гранату нам самим? Бросим ее куда надо, а?

У Ви даже глаза заблестели от радости. Тхань тоже повеселел и торопливо сказал:

— Если Ви не умеет бросать, поручите это мне...

Вечером того же дня Туан отправился на встречу с руководителем отряда. На этой неделе место встреч было у открытого кафе «Белый аист». Ровно в восемь появился руководитель. Это был молодой человек в летнем костюме европейского покроя из японского хаки и в белых полуботинках.

Внешне он походил на журналиста или на спортсмена.

Склонившись со щеткой над его ботинками, Туан докладывал о том, как Ви раздобыл гранату. Руководитель, казалось, был увлечен своей газетой, но иногда, чтобы лучше слышать мальчика, подавался немного вперед, стараясь не упустить ни слова. Потом Туан спросил:

— Какие будут указания?

Молодой человек рассеянно смотрел, как в стакане лимонада поднимаются вверх пузырьки. Пальцы его слегка постукивали по столу. Туан успел заметить легкую тень улыбки на его губах. О чем он думал в эту минуту? Скоро обувь будет вычищена до идеального блеска. И тут, словно желая убедиться, хорошо ли справился мальчишка со своей работой, молодой человек наклонился.

— Завтра в четыре, — прошептал он, — начало улицы Хынг Дáo. Книжный магазин «Новая культура». Спросишь у продавщицы новую книгу правил игры в настольный теннис. Ответ: «Подождите минутку, посмотрю, есть ли еще».

Это был, как всегда, обычный пароль. Место встречи менялось. Туан ждал, что будет сказано еще, но руководитель рассчитался с ним и поднялся.

На следующий день, как было условлено, Туан направился на улицу Хынг Дао. Там он легко нашел книжный магазин. За прилавком сидела очень красивая девушка. Посетителей было мало. Какой-то молодой человек в очках просматривал книги в шкафу. И что он там выбирает так долго, скорей бы уходил! А продавщица его ничуть не торопила; она сама погрузилась в чтение какой-то книги, никого и ничего не замечая вокруг.

Туан остановился у витрины и посмотрел на свое отражение. Сегодня он был похож на школьника. Розовая рубашка, сшитая еще мамой, стала немного тесновата, но это ничего. Белые брюки, хоть и потертые кое-где, выглядели вполне прилично.

Улица была пустынной. Ничего подозрительного. Туан спокойно вошел в магазин. Он подошел к продавщице и сказал:

— Мой брат Хай посоветовал мне зайти сюда купить новую книгу правил игры в настольный теннис... У вас еще есть?

Продавщица оторвала глаза от книги и взглянула на Туана. Ему показалось, что девушка слегка побледнела. В ее глазах он прочел удивление. Потом она ласково ответила:

— Подождите минутку, посмотрю, есть ли еще. Вам новую книгу?

— Новую!

Молодой человек в очках все еще находился здесь, внимательно разглядывая книжные полки, и на вошедшего мальчика не обращал никакого внимания. Но и книг никаких он не спрашивал и не покупал! Туан искоса взглянул в его сторону еще раз, и у него даже перехватило дыхание: продавщица шла прямо к тому человеку. Они о чем-то переговорили между собой. Спустя минуту, девушка вернулась и улыбнулась Туану:

— Это наш товарищ, иди за ним.

Парень в очках приблизился к Туану и тихо сказал:

— Пошли. Мы будем идти и беседовать.

Уже через минуту Туан понял, что этот товарищ — новый руководитель, который будет вместо Хая, их старого пионервожатого. Хай ушел на другую работу. Услышав об этом, Туан даже немного опешил. Ведь только вчера он видел товарища Хая, и тот ничего ему не сказал.

— Товарищ Хай передает всем ребятам большой привет. Вы все в группе номер три, да?

— Да.

— Меня зовут Хиэн. Я пятый в семье, поэтому можешь называть меня и Намом{4}.

— А продавщица, она тоже новый работник, да?

— Нет, она работает давно.

— А как ее зовут?

Хиен посмотрел на Туана, словно был недоволен вопросом: уж слишком любопытен этот мальчик. Но, пройдя несколько шагов, он ответил:

— Зовут эту девушку Ле Ха. Впрочем, мы зовем ее Ут.

Руководитель неожиданно повернулся к Туану и спросил о гранате, которую раздобыл Ви. Туан обо всем подробно рассказал, не забыв и о просьбе группы.

— Ну, а обращаться вы с ней умеете? — спросил Хиен.

— Да пустяки. Бросишь — и она взорвется, разве не так?

Хиен рассмеялся:

— Не так-то все просто, как кажется. Но трудного тоже ничего нет. Прежде всего — смелость. Чтобы бросить гранату, нужна тренировка. Нужно научиться обращению с ней. А без этого никак нельзя...

Туан расстроился не на шутку. Надо же, забыл спросить Тханя, умеет ли он обращаться с гранатой?! Ну конечно, умеет, ведь он сказал Ви, что нельзя хранить гранату в земле!

— Есть в нашей группе один, он в этом разбирается, — в голосе Туана прозвучали настойчивые нотки.

Руководитель ничего не ответил. Взяв Туана за руку, он перешел с ним на другую сторону улицы. Здесь было много прохожих. Недалеко находился рынок. В глубине улицы показались черные машины с американскими флажками. Они быстро пронеслись мимо под пронзительный вой сирены. Увидев американцев, развалившихся в машинах, Туан вспомнил слова Тханя: «Если нам только разрешат, ух и устроим же мы катавасию в баре «Осенняя луна»!»

Туану хотелось сказать об этом Хиену, но вокруг было много посторонних. У поворота в какой-то темный переулок Хиен придержал Туана за рукав:

— Ты возвращайся. Встретимся там же, в магазине.

Видя, что руководитель ничего не говорит о гранате, Туан спросил:

— Значит, граната остается у нас или ее нужно отнести к сестре Ут? — И тут же добавил: — Мы с ребятами хотели устроить этим «обезьянам» веселый ужин в баре «Осенняя луна»... Об этом я уже говорил товарищу Хаю.

Хиен все еще не отпускал руку Туана. Помедлив немного, он сказал на прощание:

— Терпение. Получу разрешение — тогда поговорим.

3

Однажды когда Туан вернулся домой, Тханя уже не было. Хоа сказала:

— Брат будет ждать тебя у входа в кинотеатр «Казино»...

Туан достал из кармана пирожок и протянул Хоа:

— Это тебе. — Потом, вытащив из другого кармана небольшой сверток, добавил: — А это малышам.

Хоа прижала к груди подарки Туана. Тханг уже спал, а Конг, Вьет и Нам еще не вернулись с прогулки. Хоа решила дождаться их.

— Чего это ты сегодня так расщедрился! — сказала она Туану.

Туан заулыбался и хлопнул себя в грудь:

— Получил деньги от хозяина. А ты почему не ешь? Пирожок свежий, с яйцом и мясом, знаешь какой вкусный!

Хоа на это ничего не ответила, а только повторила:

— Ты иди к кинотеатру... Брат тебя ждет...

— Что еще передавал мне Тхань?

— Он сказал, что это очень важно.

Туан быстро переоделся, захватил с собой ящик со всеми принадлежностями для чистки обуви и быстрым шагом направился к месту встречи. При выходе из переулка вдруг вспомнил о Ви и решил позвать и его.

Мама Ви была дома, она чистила арахис.

— Это ты, Туан? А Ви нет, он уже ушел.

— Один ушел или с кем-нибудь?

— С Тханем куда-то умчались.

Туана охватило беспокойство. А вдруг это «важное дело» и есть как раз выполнение давно задуманного плана взрыва в американском баре? Неужели все совершится без него!

Несколько дней назад, после встречи с руководителем, Туан пересказал своим друзьям Тханю и Ви, как нужно пользоваться гранатой. Особенно тогда разгорячился Ви. Он тут же несколько раз порывался уйти «на дело». Туан вынужден был строго предупредить

его, что в случае нарушения дисциплины он поставит вопрос об исключении Ви из отряда. Это несколько охладило его пыл, но тем не менее все последние дни Ви возвращался к этим разговорам, все надоедал Туану, требуя, чтобы тот немедленно связался с руководством и еще раз запросил разрешения. Туан впервые видел, как заплакал Ви, когда он сказал ему об излишней горячности.

«Ты должен меня понять, Туан! Ведь по вине янки и Дьема погиб мой отец», — сказал тогда Ви.

Туан взволнованно ответил:

«А я что ж, по-твоему? Ведь они арестовали моих родителей! Я их тоже ненавижу!»

Туан шел все быстрее. Из окон, витрин на тротуар падал свет — желтый, синий, красный. Эта хаотическая игра разноцветных бликов чем-то походила на джазовую музыку, доносившуюся из соседнего бара. В ушах гулко отдавались торопливые шаги прохожих, резкий стук деревянных сандалий. Мимо промчалась пустая повозка. Спереди на козлах покачивался красный фонарь. Лошадь натужно фыркала, разбрызгивая пену, белую, как растаявшее мороженое. Кнут то и дело свистел в воздухе. Звонкий стук копыт удалялся все дальше и дальше в ночную темноту.

Миновав этот шумный участок пути, Туан вскоре увидел яркий свет у входа в кинотеатр «Казино». Не сбавляя шага, он шел прямо на свет, ничего вокруг себя не замечая. Вдруг чья-то рука легла на его плечо:

— Почему так поздно?

Вздрагнув от неожиданности, Туан остановился. Это был Ви, который, видно, его уже давно ожидал здесь.

— Где Тхань?

— Вертится у «Осенней луны»...

Ну вот! Значит, все правда. Значит, Ви и Тхань сговорились сегодня бросить гранату в бар, где развлекаются американцы!

Туан схватил Ви за руку:

— Где граната?

Лицо Ви выразило крайнюю степень удивления:

— Ты что? Какая граната?

— Да твоя, похожая на манго!

Ви растерялся. Потом отрицательно покачал головой:

— Она все там же, на своем месте.

— Не врешь?

— А ты меня все подозреваешь?

— Моя обязанность предупредить. А я-то думал...

— Что думал?

— Думал, что вы решили нарушить дисциплину и сегодня использовать гранату.

Ви слегка улыбнулся:

— Ошибаешься. А если бы и сегодня, то разрешение ведь уже имеется... Ну вот что, иди скорее к Тханю, тогда все поймешь. Мне поручено быть здесь и ни шагу в сторону.

Бар «Осенняя луна» находился совсем рядом. Увидев Туана, Тхань сразу же заговорил о деле:

— Скоро начнется. Сегодня наши старшие братья и сестры решили «поужинать» здесь, понял? «Обезьян» тут куча. Ты подменишь меня, будешь продавать сигареты и наблюдать вот за этим участком улицы. Ви дежурит подальше. Это поручение нашей группе, ясно?

— Кто поручил? И откуда ты знаешь, что собираются здесь делать старшие братья и сестры? — спросил Туан, которому пока еще не все было ясно.

— Я и сам толком не понял. Но сегодня, когда я вернулся с работы домой, к отцу пришли двое — парень и девушка. Он был в очках. А девушка такая красивая. Похоже, что недавно поженились. Когда у них с отцом разговор закончился, они позвали меня и все это поручили...

«Наверно, это были Хиен и Ут», — подумал Туан. Хотя мало ли людей носят очки? Тхань говорит, что это были работники городского отделения Национального Фронта Освобождения. Туан тут же вспомнил о женщине, которую раньше мама прятала на чердаке в их старом доме.

— А как их зовут, ты не знаешь?

— Нет.

— Странно.

— Вот именно, что странно. Раньше я никогда их не видел...

В баре заиграл джаз, и их чуть не оглушила эта пронзительная музыка. Американцы валили валом, таща за собой нарядно разодетых девиц. Туан искоса разглядывал публику, и тут его дернул Тхань:

— Вот это да! Смотри, вон та девушка, что сегодня была у нас... Видишь, в том углу бара?

Туан внимательно посмотрел в указанную сторону. Ошибки быть не могло. Да, это Ут, продавщица из книжного магазина на улице Хынг Дао. Здесь, под разноцветным освещением, она казалась еще красивее. В своем нейлоновом платье мягкого тона она заметно выделялась среди профессиональных танцовщиц, каждую из которых Тхань хорошо знал в лицо.

Туан смотрел на Ут, но она не видела его. Ут говорила по-английски с каким-то типом, наверное с американским офицером. Он был высокого роста, с коротко подстриженными рыжими волосами; его пестрая рубашка с коротким рукавом была вся покрыта рисунками всевозможных птиц. Этот верзила, сидя на высокой табуретке у стойки бара, нахально уставился на Ут, вытаращив свои пьяные глаза... И

вдруг он тяжело подался вперед и грубо схватил ее своими лапищами. Девушка что есть силы стала отбиваться от него...

В баре погас свет, и шум усилился. Американцы в дальнем углу бара, отшвырнув стулья, повскакали с мест. Слышались крики, смех...

В груди Туана закипела злость. Эти янки ни в грош не ставят вьетнамцев! Он до боли прикусил губу: ему было жаль девушку Ут...

— Ну, чего застыл на месте? Давай иди, иди! — поторопил его Тхань.

Туан побрел на указанное ему место, а перед глазами все еще стояла сцена в баре. Вот уж действительно оккупанты, свора диких собак! Вторглись в чужую страну да еще так нагло себя ведут! Туан мысленно ругал их последними словами, даже глаза прищурил от злости. «Но ничего, еще немного, и мы им покажем».

Музыка в баре не прекращалась. Истошно завывал тромбон, и словно взбесилась труба. Ударник просто безумствовал, и казалось, что тяжелые капли тропического дождя обрушивались на крышу из жести. Музыка набирала темп, потом перешла в сплошной грохот.

В баре зажглись синие огни. Танцы были в самом разгаре...

В этот момент в прямоугольнике маленькой двери появился человек в одежде официанта и помахал Тханю рукой; Тхань понял, что это связной, который звал его в бар.

Оглянувшись, Туан заметил, как в бар входит Тхань, и зависть сжала ему сердце. Значит, Тханю больше повезло в этот вечер. И почему его не позвали туда, чтобы и он смог увидеть, как эти «обезьяны» взлетят на воздух? Пришлось, однако, утешать себя тем, что дежурство на улице тоже немаловажное дело... Но все же в баре, конечно, будет интересней...

Туан уже подошел к тому месту в начале улицы, откуда ему предстояло вести наблюдение. «Место отличное», — оценил он, осмотревшись по сторонам.

Кроме нескольких полицейских, куривших у главного входа в бар, там шныряли какие-то в штатском. «Наверняка шпики», — решил Туан и стал напряженно думать, что делать, если вдруг сейчас раздастся взрыв.

— Эй, мальчик! Почем сигареты? — окликнул его чей-то знакомый голос.

Товарищ Хиен! Он был с каким-то незнакомцем, и оба они, как музыканты, несли на плечах черные футляры.

— Вам сигареты?

Хиен подмигнул:

— У тебя есть пачка «Принцессы»?

— Конечно, есть!..

Получив сигареты, Хиен протянул Туану деньги и, не дожидаясь сдачи, тут же ушел вместе со своим спутником, сказав, что они и так уже опаздывают.

В руке Туана были деньги Хиена. Он стал внимательно рассматривать бумажку и вдруг заметил в углу написанную карандашом фразу: «Внимательно следи за п.». Конечно, «п» означало «полиция». Прочитав приказ, Туан небрежно засунул бумажку в карман. Только теперь он понял, насколько важное у него поручение. Хиен до тонкостей все заранее обдумал, наметив весь план, и, в частности, установил наблюдательный пост на том месте, где сейчас находился Туан.

Туан смотрел вслед Хиену, который только что вошел в бар вместе со своим спутником. Они прошли в ту же маленькую дверь, что и Тхань с официантом...

Тхань, сгорбившись, сидел в зале и чистил обувь какому-то американцу. Время от времени он исподлобья посматривал по сторонам, изучал обстановку в баре. Разноцветные лампочки горели

вполнакала. Только что закончился очередной танец, но музыка не утихала, и каждый удар барабана гулко отдавался в ушах. Просто невыносимо! Внутри от волнения все горело. Еще бы! Ведь ему впервые поручалось «в тесном взаимодействии» со старшими участвовать в таком деле, как взрыв в американском баре.

Тхань несколько раз мысленно повторил то, что ему предстоит сделать. После первого взрыва он должен бросить гранату. А потом сразу же провести девушку-подпольщицу через запасную дверь, показанную ему официантом...

Руки его машинально водили щетками по ботинкам американца, а мысли были целиком переключены на план операции. Больше всего Тхань боялся что-нибудь забыть...

Волнение росло. Тхань напряженно ловил каждый звук и каждый шорох в баре. Барабан, казалось, лопнет от натуги. «Обезьяны» после каждого танца шумно бросались к столам, и опять пили вино, и опять раскатисто хохотали...

В груди уже не горело, а просто нестерпимо жгло. Ну когда же? Когда это начнется?

Тхань представил себе, что станет твориться в баре после взрыва. Вот будет паника! Еще бы, ведь все произойдет так неожиданно... Интересно, погаснет ли свет? Ну и грохоту будет! Говорят, взрывная волна может отбросить куда угодно, так что нужно быть осторожным.

Тханю было и страшно и радостно. Он не забывал о гранате, которую при входе вручил ему официант. Граната была небольшой, с утиное яйцо. Она отлично помещалась в ладони: уж если бросишь, то в цель обязательно попадешь. А цель Тхань уже присмотрел. Там, слева, в углу бара, сидела куча этих «обезьян»...

Тхань взглянул на американца, которому чистил обувь. Тот небрежно потягивал вино и больше ни на что не обращал внимания.

Сапожные щетки Тханя ловко скользили по кожаному верху башмаков. И вдруг ноги американца будто свело в судороге. Ослепительная вспышка озарила бар, полоснув ярким светом по стенам. Огромный

кусок черной ткани, служивший фоном на эстраде, словно парус, полетел вместе с гирляндами разноцветных лампочек.

В этот миг раздался оглушительный взрыв. Тхань уцепился за свой ящик, секунда растерянности, и он был на полу. Совет, данный ему сегодня товарищем в очках, — лежать плашмя — пригодился. Американец, сидевший перед ним, резко вскрикнул, дернулся всем телом и тяжело осел вниз...

Сверху посыпалась штукатурка. Погас свет. Музыка замолкла. Публика в панике металась между столами. Раздавались крики американцев, женщины пронзительно визжали...

Страх уже прошел. Тхань осторожно приподнялся. Теперь необходимо срочно приступить к выполнению задания. Кругом было темно, как в глубокой пещере. «Самый раз швырнуть гранату», — пронеслась мысль. Он мгновенно вытащил гранату из кармана брюк, поднес ее к губам и зубами вырвал чеку... В запасе осталось несколько секунд, и вдруг он почувствовал дрожь в руках. Бросать? Но куда? В дальнем углу грохнули подряд еще два взрыва. Это подстегнуло Тханя. Слева, где-то у эстрады, испуганно орали американцы...

Тхань не помнил, как он бросил гранату... Вспышка... Взрыв! Истошные вопли...

Тхань бросился в узкий проход между двумя отдельными номерами. В темноте было трудно найти дорогу. Чья-то тень проскользнула мимо. В последнюю секунду по светлomu платью он узнал девушку-подпольщицу... Тхань бросился ей вдогонку. Ведь он обязан провести ее!

В дверях он на мгновение задержался. Да, это та самая дверь, которую ему показал официант! Девушка выбежала на тротуар. Тхань что есть силы стремглав помчался ей вслед. Там впереди должен быть Ви!

Девушка бежала так быстро! И вдруг она, споткнувшись, чуть не упала вперед и задержалась на месте. Что с ней?

Сердце Тханя екнуло от испуга.

Нет! Она не споткнулась! Она просто сняла туфли на высоком каблучке! И тогда с противоположной стороны раздался свисток. Полиция! Один из полицейских тут же пустился наперерез девушке. У Тханя лихорадочно застучало в виске, вихрем пронеслись мысли: «Где Ви! Он должен ждать на углу! Как спасти девушку?» Тханю казалось, что он летит вперед. И вдруг откуда-то вынырнул Ви. Сам черт не угнался бы за ним! Втянув голову в плечи, он бросился между девушкой и полицейским.

— Вправо! — Тхань успел схватить девушку за руку и, не сбавляя хода, резко свернул в переулок.

В эту секунду полицейский агент в белом костюме вбежал на тротуар. И в тот же миг в него с полного разгона врезался Ви!

Нет! Этот тип не случайно наткнулся на Ви, это Ви встретил его ударом головы в живот! Тяжело поднимаясь с земли, тот гаркнул грубое ругательство.

Ви, почесывая ушибленную голову, нашелся что сказать ему в ответ и, не дожидаясь, пока агент приведет себя в порядок, рванулся с места.

— Держите его! — завопил потерпевший и сам первый же бросился вдогонку за Ви, позабыв о беглецах, которые уже успели скрыться в переулке.

Ви мчался что было сил, уходя от преследовавших его полицейских. Он вспомнил о гранате на дне корзинки, болтавшейся у него где-то сбоку. Конечно, Ви ее взял с собой, обманув и Тханя и Туана! Все эти дни, когда Туан рассказал о премудростях гранаты, Ви только и бредил ею, мог вслепую разобрать и собрать ее, если нужно...

Теперь Ви на ходу открыл корзинку, и рука нащупала холодный металл. Еще движение, и чека осталась между зубов. Те трое были все ближе и ближе, они почти настигали Ви. Кто-то из них крикнул:

— Стой, говорю! А то будет хуже!

Ви, не обращая на это внимания, мчался как угорелый. После нового рывка он, выиграв у полицейских метров десять, неожиданно

обернулся и метнул гранату. Она ударилась о край асфальта, по инерции покатила, и тут грянул взрыв. Ви отчетливо слышал, как сразу после этого, почти одновременно, раздался отчаянный крик полицейского, бегущего впереди. Двое других упали на дорогу, заорав на всю улицу:

— Граната!

Ви приостановился: он хотел посмотреть, что произошло. Раненый агент корчился на земле. Ви едва успел перевести дыхание, как с противоположной стороны, чуть поодаль от того места, где он остановился, донеслись трели свистка. Задерживаться здесь было бы просто глупо, и Ви шмыгнул в переулок, успев услышать одиночный пистолетный выстрел.

«Теперь стреляй сколько влезет!» — подумал Ви, убегая в темноту.

...После взрывов пластиковых мин{5} в баре «Осенняя луна» Туан весь ушел в догадки, что там сейчас делает Тхань. Очнувшись, он вспомнил о своей задаче наблюдать за полицейскими, и глаза его снова впились в улицу.

Он отлично видел все, что произошло потом. Тхань мчался вдогонку за Ут. Ви удалось преградить дорогу полицейским, которые бросились наперехват девушке. И Ви увлек троих агентов за собой в противоположную сторону...

Ох и здорово переживал Туан за своего друга! Ви с трудом уходил от погони. В этот поздний час прохожих уже почти не было, иначе можно было бы скрыться в толпе. Туана так и подмывало броситься на выручку товарищу. Он заблаговременно запасся несколькими камнями, и тут ему пришла мысль — швырнуть их в полицейских! От испуга они хоть на минутку, но задержались бы! Хоть чем-то помочь Ви уйти от преследования! Но как быть со своим поручением? Ведь он здесь поставлен для встречи Хиена! Тхань тогда все уши прожужжал о его, Туана, задаче. «Нет, покинуть пост просто невозможно, и все! Ну, Ви! Ну, поднажми еще чуть-чуть. Эй, Ви! Как ни жаль, но я не могу нарушить дисциплину. Скоро появится Хиен!..»

И в тот же момент в дальнем конце дороги блеснула молния. Эхо взрыва, отраженное домами, прокатилось по улице. Что там? Руки Туана беспомощно обвисли. Что с Ви? Туан задрожал от волнения. Ведь он же не знал, что у Ви есть граната.

Туан до боли в глазах напряг зрение — и вот чудо! Маленькая фигурка Ви мелькнула в клубах дыма! Значит, цел! Но что же он? Почему остановился на месте, а не удирает?

Одновременно со взрывом совсем рядом кто-то промчался мимо Туана. Туан резко обернулся и сразу узнал Хиена. На плече у него был все тот же черный футляр. В направлении Туана быстро приближалась откуда-то вынырнувшая еще одна группа полицейских. Они гнались за Хиеном! Но, услышав позади себя взрыв, полицейские остановились как вкопанные. Недалеко от места, где произошел взрыв, один из агентов упал, а двое других лежали плашмя на тротуаре. Полицейские, гнавшиеся за Хиеном, застыли посреди улицы и растерянно мотали головами. Что они собираются делать? Куда побегут? За Хиеном или за Ви? Туан, закусив губу, нащупал в кармане круглый камень. Пора! Один из полицейских выстрелил из пистолета. Но Ви успел скрыться в переулке. Ну молодчина! Туан, тесно прижавшись к стене, быстро проскользнул к повороту улицы. Хиен был уже далеко. Все в порядке! Наверное, Хиен спрячется у кого-то из своих знакомых. Туан изо всех сил размахнулся и бросил камень в полицейских. Не долетев до них, камень звонко ударился и поскакал.

— Берегись! Граната!

Полицейские бросились кто куда. Один тут же грохнулся плашмя на дорогу, другие дико заорали. Теперь уж Ви наверняка убежит!

Камень, подпрыгнув в последний раз, замер, но «взрыва» так и не было!

Все эти события, начиная со взрыва в баре, произошли в какие-то считанные минуты. Шум привлек внимание местных жителей. Из домов стали показываться люди. Прохожие в панике разбегались по сторонам. Слышались полицейские свистки. Туан, кинув второй камень в том же направлении, бросился наутек...

В это же время Тхань бежал с девушкой-подпольщицей по таким переулкам, где сам черт сломал бы ногу. Наконец, выскочив на тихую улицу, он сбавил шаг. Только теперь девушка узнала в нем того самого мальчика, с которым сегодня виделась в Новом поселке в доме товарища Шау.

С трудом переводя дыхание, она улыбнулась:

— Ну вы, ребята, просто молодцы!

У Тханя от похвалы еще сильнее раздулись ноздри. Он никак не мог отдышаться от быстрого бега.

Потом они свернули в маленькую улочку. Впереди шел Тхань, неся сапожный ящик. Девушка в такт ходьбе размахивала своей нейлоновой сумкой.

«А как там дела у Ви и Туана? — вспомнил вдруг Тхань. — Этот Ви действительно отчаянный парень! Вот уж находчивость так находчивость! И откуда это у него? Подумать, так вроде всегда такой медлительный и нерасторопный. Если б не он, Тханю вряд ли удалось бы выручить эту девушку. Но что с Ви? Схватили ли его тогда? Скорее всего, нет. А вдруг схватили? И что это был за взрыв? Кто мог бросить гранату? А Туан? Помог ли он скрыться Хиену или нет?» Все эти мысли обуревали Тханя, но ответа пока быть не могло.

А вот уже и пригородный район. Погони не было. И никто их не задержал! Остановившись у какого-то дома, девушка попросила Тханя уйти вперед. Вскоре она догнала его. Теперь она была одета в рабочую одежду и выглядела совсем иначе. Вот это осторожность! Даже помада с губ была стерта! Такая быстрая смена декораций чем-то напомнила Тханю театр, в который он иногда пробирался зайцем. Он усмехнулся.

— Чему ты улыбаешься?

Тханю было неловко ответить, что она напоминает ему одну из героинь пьесы, которую он видел в театре. Он избежал ее взгляда и покачал головой...

— Нет... Да, вот я думал... Вы и ваши товарищи такие... талантливые, прямо артисты. Я и не думал, что тот товарищ, который был вместе с вами сегодня у нас дома, будет вечером играть в джазе, ну, а вы сами...

Девушка тихо засмеялась:

— Все это нужно для нашей работы...

А потом спросила:

— Ну, скажем, ты понял, зачем я переоделась сейчас? Нет? А разве мы с тобой не за городом и скоро не будем в рабочем поселке? Зачем, чтобы на тебя обращали внимание?..

Тхань от удивления заморгал ресницами. Так вот в чем дело! Понятно.

Вот и знакомый переулочек. Такой узкий и длинный и такой темный!

В доме тетушки Бай Чынг горел свет.

— Тетушка Бай! — крикнул Тхань. — Ви уже вернулся?

— Я уже дома! — высунул голову Ви.

— Это ты? — радостно вскрикнула девушка.

— Я!

Она крепко пожала ему руку:

— Ты молодец, мальчик...

— А давно ты вернулся? — спросил Тхань.

— Да только что!

Подойдя к другу вплотную, Тхань шепотом спросил его:

— Слушай! Что там был за взрыв? Полицейские бросили гранату?

Ви смущенно улыбнулся:

— Нет, это я бросил... Будешь меня ругать, я признаюсь, виноват. Обманул тебя сегодня. Но если бы не та граната!.. Она спасла меня. Когда вы оба свернули в переулок, за мной устроили погоню. Вот тогда она и пригодилась... А Туан бросил камень в полицейских. Он здорово меня выручил!

Услышав новое имя, девушка едва удержалась, чтобы не спросить, кто этот Туан. Она сразу подумала о мальчике, который приходил в магазин на связь с новым руководителем пионерского отряда Хиеном...

— Туан еще не вернулся, а? — спросил Ви у Тханя.

— Не думаю. Но по плану он может и задержаться в городе...

— А зачем?

— Да кто его знает! — уклончиво ответил Тхань; он не хотел, чтобы Ви знал, что Туан должен до конца выяснить обстановку и еще обеспечить отход Хиена.

— А как дела у старших? Что-нибудь случилось?

— Нет...

Ви смотрел на девушку, желая заговорить с ней, но не решался.

— Ты о чем-то хочешь спросить? — ласково сказала она, взяв его за руку.

— Нет... А эту ночь вы будете в нашем поселке?

— Да... Я теперь долго буду жить здесь, вместе с вами.

Сказав это, она почувствовала себя как-то неловко. Такие замечательные ребята, но работа есть работа, и она, конечно, не может сказать им правды. Рано утром ее здесь уже не будет. Товарищ Шау, отец Тханя, отвезет ее на машине в город на улицу Хынг Дао.

* * *

Уже на следующий день все сайгонские газеты опубликовали сообщение о ночном взрыве в баре «Осенняя луна».

Журналисты, видимо, приложили все свои способности. И чего только они не написали! Это событие обросло множеством самых мелких подробностей, рассчитанных на любопытных читателей. Конечно, цензура Дьема в министерстве информации многое вырезала. Прежде всего было запрещено сообщать о потерях среди американцев, которые и назывались-то не иначе как «иностранцы»...

Уже с рассвета Туан и Тхань сидели у ворот типографии. Когда принесли газеты, Туан быстро схватил свежий номер. Интересующее его сообщение было на первой же странице под заголовком, набранным крупным шрифтом:

«Взрыв в баре «Осенняя луна».

Ранено и убито много иностранцев.

Ведется расследование. Главный преступник арестован».

Читая информацию, можно было подумать, что журналист сам находился в ту ночь в баре и вел репортаж непосредственно с места событий.

Туан аккуратно уложил свою пачку газет в сумку, и два друга, схватившись за руки, разом встали с земли. Туан подумал о Ви. Он, наверное, еще спит. Вот если бы сейчас он прочитал газету, то-то бы обрадовался. Глаза его наверняка стали бы еще более круглыми. А газеты сегодня быстро разойдутся. Но один номер все-таки нужно оставить для Ви как награду. Туан хотел сказать об этом Тханю, но тот уже приступил к работе:

— Газета «Тин-Мой»! Взрыв в баре «Осенняя луна»...

Его звонкий голос был слышен далеко вокруг...

ПРИМЕЧАНИЯ

{1} *Нго Динь Дьем* — южновьетнамский диктатор. Убит в 1963 году.

{2} *Вьеткóнговцы* — так южновьетнамские власти и американцы называли патриотов.

{3} *Вьетконг* — букв. «вьетнамские коммунисты».

{4} *Нам* — по-вьетнамски «пятый».

{5} Пластиковые мины широко применялись американскими агрессорами в Южном Вьетнаме. Партизаны, захватывавшие американское оружие, в том числе и эти мины, использовали их против врага.